

Робаут Сюркуф с искренней печалью наблюдал за последними мгновениями Катен Вениа. Он дал ей имя, и всегда больно смотреть, как что-то красивое умирает. Робаут вспомнил девушку, имя которой подарил планете, подумал, увидит ли её когда-нибудь снова и тихо обругал себя за сентиментальность.

Болезненные полосы разноцветного света окутали планету узорами гроз размером с континент, словно огромная сеть, наброшенная на раскалывавшуюся массу. Самая яркая точка света располагалась на северном полюсе, где закончилась провалом неудачная экспедиция на “Томиоку”. Эвакуация с Катен Вениа завершилась и большая часть высадившейся команды уже вернулась на “Сперанцу”.

Механикус пришлось оставить на поверхности значительное количество материальной части и ресурсов, в том числе и сухопутных левиафанов “Краконос”, “Адамастор” и “Фортис Максимус”, ставших самой горестной потерей. За незначительными исключениями их экипажи – адепты, техножрецы и даже слуги – решили остаться со своими машинами, вместо того, чтобы бросить их, и эти люди почти наверняка уже погибли.

Робаут покачал головой от их глупости, но вспомнил, что и сам совсем недавно считал, что умрёт на борту “Ренарда”. Он пережил встречу со смертью, когда грав-сани поднял стыковочный захват “Табулария” и медицинская команда приставила кислородную маску к его лицу. Адара не пострадал, как и магоса Павелька, что учитывая безумный характер их путешествия на поверхность, являлось не чем иным, как чудом.

На мостике “Сперанцы” стало тесно из-за старших офицеров экспедиции Котова: Механикус, Адептус Астартес и Имперской гвардии, которые собрались увидеть последние минуты жизни Катен Вениа и гибель всего, ради чего они пересекли галактику. Азурамаджелли снова встал за пост навигационных систем, где к нему присоединился Криптаэстрекс. Виталий Тихон не отходил от дочери, обняв её рукой за плечи. Судя по синякам на её лице экскурсия на “Томиоку” оказалась не менее опасной, чем события снаружи.

Галатея стояла в центре мостика, Робаут понятия не имел, каким образом её низкорасположенный паланкин подключался к “Сперанце”. Павелька в общих чертах описала ему подлинную еретическую сущность Галатеи, и сама идея думающей машины пробирала Робаута до костей всякий раз, когда он задумывался о последствиях.

Архимагос Котов сидел на командном троне, напоминая уставшего короля на закате правления, которого окружали придворные, просто ожидавшие его смерти. Следуя этой мысли, взгляд Робаута переместился на Таркиса Блейлока, стоявшего за плечом Котова, словно визирь-заговорщик. У него не было причин подозревать Блейлока в подобных стремлениях, но картина – однажды представленная – не желала исчезать.

Сам Робаут откинулся в подключённом к ноосфере кресле, которое занимал и в прошлый раз, соединившись с огромной инфосферой ковчега при помощи загрузочных разъёмов на тыльной стороне шеи. Большая часть видимого им представляла собой бессмысленный лингва-технис или бинарный язык, но он знал достаточно и не сомневался – никто на мостике не понимал, что на самом деле происходит.

- Мы достаточно далеко от планеты? - спросил Робаут, пытаясь разобраться в излучении энергии из концентратора информации левого борта.

Азурамаджелли повернул к нему мозг, хотя на бестелесном кусочке коры не было видно никаких сенсорных аппаратов для необходимости такого движения. - Комплексы топографов фиксируют невиданный рост энергии. Невозможно сказать, какое минимальное безопасное расстояние необходимо.

- Получается мы в опасности?

- Весьма вероятно, - согласился Криптаэстрекс, его плотное роботизированное тело отключилось от навигационных станций, направились, лязгая, к посту двигательной силы и подключилось. - Получив приказы магоса Блейлока, Сайиксек начал операции, чтобы покинуть орбиту, но двигатели не будут готовы к манёвру ещё шесть часов.

- Не знаю, возможно, вы что-то пропустили, - резко сказал Робаут, - но нам повезёт, если планета продержится ещё шесть минут.

Криптаэстрекс стоически перенёс выпад Робаута и ответил. - Мало что можно сделать для изменения нашего положения относительно планеты и уменьшения повреждений от взрывного выброса энергии.

- Взрывного? - спросил Робаут, поворачиваясь в кресле и смотря на Котова. - Вот на что мы посмотрим? Как планета взорвётся?

Котов пренебрежительно махнул рукой. - Магос Криптаэстрекс должен понимать, что не нужно использовать такие экспрессивные термины, - сказал он. - Планеты не взрываются, они ломаются вдоль устоявшихся линий разлома, обрушаются на гибнущее ядро или просто становятся геологически инертными. За все свои века в Механикус я никогда не видел, чтобы планета взорвалась.

- После всего, что мы видели в этой экспедиции, ваши слова не слишком успокаивают.

Котов проигнорировал его и Робаут вернулся к предсмертным мукам Катен Вениа.

Было ясно, что с планетой что-то происходит, что-то, что почти наверняка приближалось к завершению. То обстоятельство, что никто на борту "Сперанцы" не признавался, что они понятия не имели, что происходит, было столь же очевидным, как белый грокс в комнате.

Энергия, которую отправили из очень далёкого источника к Катен Вениа, почти не потеряла поле силы по пути и начала цепную реакцию по всей планете. Даже сейчас Блейлок и Виталий пытались определить, что послало её.

- Архимагос, - произнёс Азурамаджелли, отключая все, кроме самых базовых соединений с навигационными системами - Что-то неправильно.

Неопределённость комментария Азурамаджелли была так не похожа на то, что мог сказать adept Культа Механикус, что все на мостике повернулись к нему.

- Объяснитесь, Азурамаджелли, - велел Блейлок с отрывистым потоком предостерегающего бинарного кода.

- Не могу, - ответил Азурамаджелли. - То, что я вижу, не имеет никакого эмпирического прецедента.

Робаут бегло просмотрел загруженные "Сперанцей" данные и вынужден был согласиться с магистром астронавигации. Увиденное не имело никакого смысла. Каждый внешний ауспик, способный получать сигналы с планеты, или вообще ничего не фиксировал или регистрировал наступавшую волну невозможных показаний, которые были за гранью понимания.

Внезапный наплыв аномальных показаний действовал, словно неочищенный прометий на двигатель, и пространство вокруг "Сперанцы" внезапно заполнилось крайне противоречивыми состояниями бытия.

Ковчег Механикус был засыпан экзотическим космическим излучением такой сложности, которое легко бросало вызов любой классификации, и одновременно находился в пространстве лишённым любых электромагнитных модуляций. Такие физические состояния бытия совершенно противоречили друг другу и не могли находиться в одной области космоса в один и тот же момент.

"Сперанца" решила этот парадокс, взорвав многочисленные концентраторы информации и посты топографов под потоки расстроенного бинарного кода. Примерно у десяти сервиторов мгновенно умер мозг, они осели на палубу и масляная кровь потекла из черепной аугметики.

- Момент творения и время тепловой смерти, - произнёс Виталий, бросаясь к одному из уцелевших топографов и подключаясь тактильными имплантатами из кончиков пальцев.

- Что происходит? - спросил Робаут, видя, что все магосы - кроме Виталия - отключились от ауспиков корабля. Потоки света, пульсировавшие между призмами данных, исчезли, когда библиотеки информации отключили одним ударом.

- Виталий? - сказал Робаут, отключаясь от сети "Сперанцы" и вставая с кресла у трона Котова.
- Что происходит? Я не понимаю, что случилось.

- Думаю, справедливости ради стоит заметить, что мы все здесь в растерянности, капитан, - ответил Виталий. - Но полагаю, мы видим состояние одновременного универсального

рождения и смерти. Это вполне может быть ультрасжатым ежесекундным воспроизведением времени, начиная с сотворения вселенной и её окончательной гибели, когда бесконечное преобразование потенциальной энергии в осязаемое движение, а затем и в повышение температуры, наконец, закончилось, как навсегда остановившиеся часы.

Робаут мало что понял из сказанного Виталием, но достаточно легко уловил апокалиптическую суть. Он посмотрел на Котова, полуприставшего с трона, архимагос напоминал человека, который обнаружил, что предмет его желания оказался чашей с ядом.

– Телок и в самом деле сделал это, – произнёс Котов. – Вы были правы, Таркис. Он и в самом деле заставил это работать.

– Так всё и выглядит, – ответил Блейлок. – И, похоже, мы ввалились в его лабораторию прямо на середине эксперимента.

Робаут повернулся к Виталию, наблюдавшему за всё ещё доступным вольному торговцу элементом инфосферы корабля, хотя он больше и не был подключён с помощью спинных имплантатов.

Навязчиво красивое изображение гибели Катен Вениа.

– Это – Дыхание Богов, – выдохнул Робаут. – Император, мы прямо посередине всего этого...

Окружавшая Катен Вениа сеть света дёрнулась в последний раз.

И взорвалась вовне наступающей приливной волной фотонов и экзотических частиц, которые не встречались в таких концентрациях почти четырнадцать миллиардов лет.

Только впоследствии стала проявляться чёткая картина событий, окружавших разрушение Катен Вениа, и даже она оказалась фрагментарной, противоречивой и почти невероятной.

За несколько секунд перед тем, как быстро расширявшаяся ударная волна энергии вырвалась за пределы обречённого мира, каждый квадратный метр защитных экранов и каждый исправный пустотный пилон вспыхнули по всей “Сперанце”. На всех кораблях флота Котова сами собой активировались щиты и одновременно отключились все внешние ауспики, капитаны понятия не имели, кто приказал сделать это.

Бушующий взрыв, состоявший из потока высокой энергии, частиц огромной плотности и давления врезался во флот Котова, рассеяв корабли, словно злобные флуктуации варпа. Усилия Сайиксека по маневрированию “Сперанцев” не прошли даром и уменьшили ущерб от взрывной волны: сама масса ковчега Механикус позволила выдержать худшие последствия планетарной катастрофы. Близость флота к Катен Вениа изолировала его от носовой волны экзотических частиц, сжатых гравитационных течений и непостижимых сил.

Едва взрывная волна миновала флот, как произошёл фазовый переход, спровоцировав экспоненциальное расширение реконструированного пространства-времени. Пассивные ауспики на корпусе “Сперанцы” зарегистрировали ультрабыстрый скачок температуры, вызванный высокой плотностью энергии фотонов. Пары частиц-античастиц всех видов мгновенно создавались и уничтожались в жесточайших столкновениях субатомной материи – только всего в один момент в истории происходил столь бурный процесс создания.

Но это не было сотворением вселенной, это была сила, обузданная несравнимо древней технологией и совсем для другой цели.

Одиноким и изолированным кораблям Котова приготовились к худшему и выдерживали шторм высвобожденных энергий, сражаясь, чтобы удержаться на месте в свирепом водовороте охвативших всю систему гравитационных течений, которые могли разорвать их за долю секунды. В сравнение с силами переходной материи в Арктур Ультра, меркла даже колоссальная мощь Шрама Ореола. Оставшиеся в одиночестве и разбросанные в космосе, словно листья во время урагана, и не знавшие о судьбе остального флота, капитаны боролись за выживание кораблей, ожидая, пока минует ярость звёздного события.

Прошло семь часов, прежде чем неистовый рост частиц высокой энергии и гиперзаряженные гравитационные цунами рассеялись достаточно, чтобы корабли рискнули развернуть системы топографов. Что бы ни взорвало Катен Вениа, путешествуя почти со скоростью света, оно, конечно же, уже достигло звезды в центре системы. Выдержав шторм лучше остальных “Сперанца” стала первой, кто начал осторожно исследовать пустоту, пытаясь понять, что произошло.

Благодаря множеству буферных прокси-сервиторов магос Азурамаджелли протянул чувства ковчега Механикус в космос, изучая ближайшее пространство на наличие резких температурных скачков и вредного излучения. Учитывая прежнюю хаотическую природу умирающей системы и жестокую судьбу Катен Вениа, он ожидал обнаружить космос переполненным визжащими штормами частиц, непостоянными нейтронными потоками и фоновыми электромагнитными шумами. Что приведёт к тому, что почти всё ближайшее пространство станет непроницаемым для ауспиков.

То, что он обнаружил, оказалось гораздо более странным, намного неожиданнее и совершенно невероятным.

Арктур Ультра больше не был умиравшим красным гигантом, раздувшимся разрушителем в последнем воплощении перед катастрофическим превращением в сверхновую звезду.

Теперь он горел, как жизнеспособная звезда главной последовательности.

Обновлённое солнце окружали сверкавшие полосы металлических обломков, камней и соединяющихся газов – строительные блоки для новых миров. Гравитация и время сделают остальную работу и пусть пройдут миллионы лет, прежде чем сформируются пригодные для жизни планеты, это всего лишь мгновение ока для галактики.

Катен Вениа исчезла, уничтоженная в акте творения, который начала.

Можно было сделать только один невероятный, но всё же неизбежный вывод.

Ударная волна невообразимо мощных энергий стала завершением колоссального космического события, сосредоточенного на “Томиоке”. Блокировавшие сенсоры скопления звёздного мусора и излучение умиравшей звезды, скрывавшие, что лежит за пределами Арктур Ультра, исчезли, словно никогда и не существовали, и топографы Азурамаджелли зафиксировали наличие множества систем с горевшими звёздами правильной массы и температуры для поддержания жизни.

Их астрономическое положение оказалось настолько совершенным и геометрически правильным, что не могло быть случайным.

В центре этой звёздной решётки, где, судя по картам Виталия Тихона, находился источник отправленной энергии, располагалась планета, излучавшая сильные потоки изотопов, энергетических сигнатур и манифольдного траффика, которые мгновенно были опознаны всеми адептами на борту “Сперанцы”.

Адептус Механикус.

Что некогда было лёгким, столь же простым, как переход из одной комнаты в другую, теперь требовало таких усилий и мантр концентрации, которые ей не требовались даже во время первых робких шагов на этом пути. Разум Бьеланны чувствовал себя словно в клетке, ясновидицу окружали слои брони и со всех сторон давили острые углы, мешая гармонии с пространством-временем. Её дух не мог совершить даже простейшее путешествие, недавно считавшееся само собой разумеющимся. Пряжа оставалась на расстоянии вытянутой руки, манила и обещала раскрыть все тайны, стоит всего лишь покинуть тело. Невидимые оковы висели на её духе, приковав к тюрьме из кожи, крови и кости. Являлось ли это признаком уменьшения её умений или просто побочным эффектом боли, полученной в последние минуты сражения против глупых людей?

Она хотела винить в этом ужасное место железа и масла, которое им пришлось занять, когда “Звёздный Клинок” всё же уступил смертельной ране хронометрического оружия людей. Капитан “Звёздного Клинка” и экипаж остались на борту грациозного корабля, когда его, наконец, разорвало на части гравитационными штормами Шрама Ореола. Они погибли в одиночестве, их камни душ пропали, а свет и красота, которые они несли вселенной, погасли навсегда.

Бьеланна остро переживали их гибель, но отгородилась от всепоглощающего горя, зная, что оно только помешает проникновению в пряжу.

Несколько воинов “Звёздного Клинка” спаслись с Бьеланной по спешно открытому portalу в паутину, и они все почувствовали кошмарную силу того, что монкеи невольно выпустили на дальней планете звёздной системы.

Но только Бьеланна на самом деле понимала всю чуждость произошедшего.

То, что такое мощное космическое событие не появилось ни в одном из бесчисленных запутанных потенциальных будущих, напугало Бьеланну сильнее, чем она могла представить. Целая звёздная система была преобразована, обновлена и восстановлена за считанные часы. Такая сила не предназначалась для нынешних наследников галактики. Даже эльдары в дни до Падения, когда их цивилизация простиралась по галактике, а высокомерие не знало границ, не посмели бы вмешиваться в столь невероятно мощные силы.

Такое высокомерие было исключительно человеческим.

Она следовала за нитями людей, собираясь обрезать их и восстановить своё будущее материнство, но теперь на первый план вышла новая угроза. Прошлое, настоящее и будущее оказались на грани катастрофы и сплелись в замысловатый клубок, который разорвёт ткань пространства-времени, когда вселенная попытается исправить нарушение естественного порядка вещей.

Несколько раз вздохнув для восстановления равновесия, Бьеланна обратилась за помощью к подаркам ясновидца Тотаира, вспомнив медитативные упражнения, отделявшие дух от плоти, а материальные привязанности от ментального пробуждения. Она тихо вздохнула, когда дух воспарил и направился к самым дальним краям пряжи, позволила знакомой мозаике прошлого и будущего омыть себя и восстановить силы непостижимой красотой. В пряже отсутствовали все географические понятия, кроме тех, что Бьеланна сама применяла, хотя сквозь множество барьеров, отделявших ясновидицу от её глубин, текучая бесструктурная необъятность была едва видна.

Она искала что-нибудь знакомое в окружавшей паутине возможностей, нити, за которые могла ухватиться и следовать, пути, что приведут её в океанскую бесконечность пряжи. Золотые нити воинов-эльдар были совсем близко, но каждый раз, когда она пыталась направиться по ним в будущее, они бросались в сторону, как стая испуганных варп пауков.

Следуя наставлениям, она вернулась в прошлое, где нити жизни были неподвижны и неизменны. От таких статических точек она могла протянуться в будущее и получить представление о том, что должно произойти. И всё же даже здесь она не смогла найти утешение или уверенность.

Бьеланна помнила прошлое: бой аватара Каэла Менша Кхейна против лидера космических десантников на борту обречённого корабля. Она помнила его холодные глаза и всё же... и всё же не могла вспомнить с истинной ясностью ни лицо, ни слова, которыми они обменялись.

Если не считать того, что это неправильно.

Она помнила его голубые глаза, зелёные глаза и янтарно-карие глаза.

Она помнила его острую челюсть, бородатое лицо, чистый выбритый подбородок.

Она помнила угловатые скулы, округлённое лицо. Шрамы и безупречную кожу.

Бьеланна видела тысячу раз, как он умирал, и каждая картина оказывалась совершенной иной, словно процессия воинов занимала его место в любом потенциальном прошлом и ненаписанном будущем. Это было невозможно, она помнила, как он умер. Она видела это своими глазами. Почему же она не может вспомнить его лицо...?

Но сколько раз она не прослеживала свою нить в прошлое, тот эпизод оставался неуловимым и фрагментарным, словно произошёл не однажды, а бесчисленное число раз. При малейшем усилии воспоминание раскалывалось, а осколки памяти и вымысла проносились мимо неё в постоянно растущие варианты будущего, которым никогда не суждено стать реальностью.

Много раз она видела, как космический десантник уничтожал объятых пламенем аватара, столько же раз она видела, как аватар повергал космического десантника. Она видела себя разорванной на части снарядами жестокого оружия и видела, как убивала его изящными ударами гравированного рунами меча. Все эти забытые истории были ложными и истинными, невозможными и случившимися. В одной изношенной нити она уже прожила их, в другой они никогда не происходили, но правду стало невозможно разобрать.

Прошлое сопротивлялось попыткам прикрепить его к месту, а без прошлого тайны будущего становились неизвестной страной. Бьеланна закричала от разочарования, и окружавшие ясновидицу стены света и вероятности закрылись от её слишком материальных эмоций. И всё же при всех ужасах неопределённости Бьеланна ощутила что-то родное: эхо прикосновения другого эльдара среди мон-ки. Всего лишь слабый намёк, который говорил о дружбе, а не ненависти, уважении, а не страхе.

Но, как и мимолётный образ мерцавшего лица, внутри купола Кристаллических ясновидцев сам факт обнаружения спрятал знакомый след. Дух Бьеланны взвыл от злости, но пряжа не место для таких эмоций, и она почувствовала непреодолимое влечение тела. Она боролась, пытаясь остаться в месте просвещения, но чем сильнее она боролась, тем сильнее её физическая сущность давила на хрупкую мимолётную душу.

Плечи поникли, когда душа и тело воссоединились со сладко-горькой печалью, болью потерянной свободы и оставленной лёгкости. Лёгкие вдыхали болезненный воздух, насыщенный зловонной щелочной водой, химическими загрязнителями и промасленной человеческой плотью. Она не хотела открывать глаза, потому что вид столь уродливого убежища оскорблял её утончённые чувства и служил печальным напоминанием обо всём, что они потеряли.

Бьеланна открыла глаза, и свинцовая тяжесть опустилась на её плечи при виде, как мало осталось эльдаров. Пятнадцать воинов, Жалящие Скорпионы и Воюющие Баньши сидели, стояли или тренировались в мрачных группах озлобленных выживших. Никто не сказал ей дурного слова, но Бьеланна и без своих способностей видела недоверие и гнев на то, что она не сумела

спасти остальных.

Где-то на границе их скрытого убежища на борту вражеского флагмана Ульданаишь Странствующий Призрак патрулировал мрак с небольшой группой Воющих Баньши. Высокий призрачный властелин жаждал убивать мон-ки, несмотря на приказ Бьеланны оставаться незамеченными. Их присутствие пока не обнаружили, но люди не столь глупы, чтобы не замечать, как снова и снова пропадают целые рабочие бригады техножрецов и рабов.

– Ясновидица, – произнёс лирический и почти музыкальный голос со смертельным оттенком, вырвав её из печальной мечтательности. – У вас есть совет для нас?

Бьеланна почувствовала, что единение её духа и тела усилилось от звука голоса Тарикуэля, исключительная целеустремлённость воина окружала её неразрывной цепью. Она вздохнула, успокаиваясь, и попыталась не позволить поддаться возникшей после возвращения в тело клаустрофобии из-за напоминавшего гробницу корабля.

– Будущее... неопределённо, – сказала она, подняв голову и посмотрев в жестокие глаза.

Тарикуэль был облачён в облегающую нефритовую броню, рельефные пластины доспеха подчёркивали несравненное телосложение воина. Наплечники цвета слоновой кости и золота придавали его плечам массивность, которой они обычно не обладали, и сегментированный шлем переходил в защищённую шею, где два выпуклых жалящих бластера устроились, словно мешочки с ядом мезо-скорпиона.

– Неопределённо? – зашипел Тарикуэль Сумеречный Клинок. – Как это возможно? Вы – ясновидица!

Бьеланна вздрогнула от психической силы его гнева и указала на стену сводчатого зала, где десятиметровая шестерёнка была отчеканена на бронзе и кованом железе. Полуроботизированный и получеловеческий череп располагался в центре символа, из одной глазницы сочился едкий пар, а мерцавшая ядовитая жидкость струилась по резным поверхностям.

– Неопределённо, – повторила она, собрав рунные камни в чаше, изготовленной для неё Кхареили Творцом. – И неопределённость только усиливается.

– Тогда какая от вас польза? – громко спросил другой голос, лишённый музыкальности и обладавший ледяным шипом в сердце.

Бьеланна встала и заставила бьющееся сердце оставаться спокойным перед лицом холодной ярости экзарха. Ариганна Лунный Клык была облачена в броню, восходившую к древним временам эльдаров, и Бьеланна чувствовала голодные души, которые ещё жили в неизвестном сердце доспеха. Пластины брони изначально предназначались для воина мужского пола, но многочисленные воплощения владельцев много раз менялись, хотя ни один певец кости

никогда не посмел бы шептать о её убийственном предназначении. Золотые и изумрудные пластины накладывались друг на друга с волнообразным органическим изяществом, навершие рукояти изогнутой цепной сабли, висевшей за плечом, блестело, словно голодный янтарный глаз.

– Неопределённо не значит невидимо, – ответила Бьеланна, стараясь сохранить самообладание. На борту “Звёздного Клинка” она была лидером этих воинов, но гибель корабля и разрыв связи с пряжей перевернули всё с ног на голову.

Теперь главными стали воины.

– Так что вы видели? – потребовала объяснений Ариганна, чудовищная “клешня скорпиона” в её левом кулаке сгибалась, как сегментированный хвост. – Тени скрывают нас, чтобы мы охотились, а не прятались, как воры.

– Есть намёки и тени будущего, но пряжа в сильном волнении, – сказала Бьеланна, пытаясь формулировать образы разума в терминах, которые поймёт любящая смерть воительница. – Что бы люди ни сделали, это примерно как бросить камень в тихую заводь. Волны и рябь вносят большую дисгармонию, но они утихнут, и путь в будущее покажется снова.

Лицо Ариганны скрывала военная маска, а в красных, как печь линзах шлема тлели ямы гнева. Если остальные выжившие обнажили головы, чтобы сдерживать военные маски, экзарх Жалящих Скорпионов оставила её, позволяя ярости кипеть и становиться ещё смертоноснее. Мандибластеры челюсти затрещали дугами убийственной энергии, когда экзарх нависла над Бьеланной.

– Вы – ясновидица и заслуживаете уважения, – произнесла Ариганна, положив руку с клешнёй на плечо Бьеланны. – Но ваши видения ведут нас только к смерти и горю. Скажите, почему я снова должна поверить вам?

Ариганна могла сокрушить её без малейших усилий, и костяной наплечник Бьеланны согнулся под выверенным давлением клешни-оружия экзарха.

– Потому что на борту корабля есть человек, с которым мы можем связаться, – ответила она, когда, наконец, смогла понять, что увидела в пряже в самом конце. – Один из них отмечен другим ясновидцем. Я могу найти его и использовать в наших интересах.

– Кукушка в гнезде? – спросила Ариганна, по тону экзарха стало ясно, что ей нравится это выражение.

– Именно так, – согласилась Бьеланна. – Его зовут Робавт Сюркуф.